СОЛЕЙМАНЪ И ВОРОНА.

И еще, сказываютъ правовѣрные, Солейману благословенной памяти, который часто углублялся въ толки и разговоры съ птицами, случилось показать намъ поучительную притчу въ лицахъ, которая дошла, по преданію, до нынѣшнихъ дней.

Солейманъ, прогуливаясь въ обширныхъ и богатыхъ садахъ своихъ, присѣлъ на разостланномъ коврѣ, среди роскошнаго цвѣтника, размечтался о суетности мірской, и остановился на той статьѣ опытной мудрости своей, что должно ловить на лету каждый мигъ наслажденій мірскихъ, иначе мы ихъ не увидимъ; они пронесутся мимо и не коснутся насъ. Онъ въ мысляхъ созерцалъ самъ свое положеніе, и ему казалось, что при этой праздной лѣни, между сномъ и дремотою, недоставало одного только — пѣнія прелестной птички, а Царь любилъ засыпать подъ говоръ яворовъ и перекаты соловья. Поди, сказалъ онъ

воронѣ, которая, желая выслужиться у пророка, сидѣла безсмѣнно на сучкѣ, переступая съ ноги на ногу, и вожиданіи приказаній, напоминала о себѣ частымъ и громкимъ карканьемъ; — поди, сказалъ ей Солейманъ, позови ко мнѣ птицу, которая поетъ лучше и прелестнѣе всѣхъ; отыщи мнѣ перваго пѣвца въ мірѣ!

Ворона взмахнула крыльями, полетѣла, а царь задремалъ; но онъ вскорѣ опять проснулся отъ несноснѣйшаго карканья подлѣ самаго уха: ворона, послушавъ разныхъ пѣсенъ, избрала для Солеймана въ придворные пѣвчіе дѣтеныша своего, вороненка, который сидѣлъ теперь у его изголовья, потряхивалъ крыльями и надсаживался крикомъ, — между–тѣмъ, какъ ворона ластилась тутъ–же, подстрекала и поправляла пѣвчаго и самодовольно поглядывала на Солеймана.

Это что такое? спросилъ удивленный Солейманъ. Да лучше этого пѣвца, отвѣчала ворона, я не нашла; это рѣшительно первый, или изъ первыхъ, покрайней–мѣрѣ, потому–что у меня

найдется еще съ пятокъ такихъ–же, — къ твоимъ услугамъ....